
МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Къ портрету Гёте.

Свободу смѣлю пріять себѣ въ законъ,
Всезращей мыслию надъ міромъ оныъ носился
И въ міръ все постигнуль оныъ
И ничему не покорился.

Жуковскій.

С о н ъ.

(Сочиненіе Байрона.)

І.

Въ насъ жизнь двояка: сонъ имѣешь міръ свой,
Пределъ двухъ царствъ, здѣсь бытіемъ и смертию
Зовомыхъ ложно; сонъ имѣешь міръ свой,
И дикой сущности пространный край;
Въ видѣньяхъ сна свое есть бытіе:
Свои мученья, радости и слезы:
Ихъ слѣдъ тягчигь намъ мысли на яву,
Намъ облегчаешь бремя бѣдъ, они
Часть времени сей жизни, часть самикъ насъ;
Глашатаи безсмертья; появляясь

Ч. XIV. No 12.

10

Какъ призраки пропекшаго , вѣщая
 О будущемъ , они имѣють власть ,
 Тиранство мукъ и наслажденій ; то ,
 Чѣмъ не бывали мы , изъ насъ шворяшь ,
 Колеблють духъ мгновенной тѣнью , спрахомъ
 Пустой мечшы. Не тѣнь-ли и они ?
 Не тѣнь-ли все , что было ? Что-жъ они ?
 Творенія души ? Душа властна
 Дать бышіе мірамъ и населишь ихъ
 Свѣтлѣйшими всѣхъ знаемыхъ существъ
 И даровать безсмертье существамъ симъ.
 Мнѣ памяшно видѣнье , можешь быть ,
 Мечтанье сна : мысль наша и во снѣ
 Объять способна годы , сократишь
 Въ единый часъ дѣянья долгой жизни.

II.

Я видѣлъ : два младыя существа
 Стояли вмѣстѣ на холмѣ прекрасномъ ;
 Холмъ зеленъ былъ , съ ошлогимъ , гладкимъ ска-
 шомъ ,
 Какъ мысь послѣдній длинной цѣпи горъ ;
 Лишь вода не зрѣлось у его подошвы ,
 Но жизни полная картина : рощи ,
 Поля , златыя жатвы и мѣстами
 Людей жилища , и кудрявый дымъ
 Вставалъ надъ сельскою ихъ кровлей ; холмъ
 Увѣнчанъ былъ древами , какъ короной ,
 Кругообразной рощей , насажденной
 Рукой людей , а не игрой природы.
 Ихъ двое , юноша и дѣва , тамъ
 Смошрѣли , стоя , дѣва на окрестный ,
 Какъ и сама она , прекрасный видъ ,

А юноша на дѣву ; въ обонхъ
 Блиспала юность , въ дѣвѣ красота ;
 Но въ юности они не равной были.
 Какъ полная , всходящая луна ,
 Уже вступала дѣва въ зрѣлый возрастъ ,
 И юноша моложе былъ лѣтами ,
 Но сердце годы упредило въ немъ ;
 Ему одинъ былъ въ мѣрѣ милый образъ ,
 Начертанный въ душѣ его глубоко ,
 И образъ сей тогда ему сіялъ :
 Въ ея дыханьи , въ бышн ея ,
 И въ голосѣ , и въ зрѣньи , онъ имѣлъ
 Дыханье , голосъ , зрѣнье , бышнє.
 Онъ трепещалъ , безмолвно ей внимая ,
 И лишь ея очами видѣлъ мѣръ ;
 Въ себѣ самомъ ужъ не жилъ онъ : ему
 Она лишь стала жизнью , океаномъ
 Для помышленія его пошоковъ :
 При каждомъ звукѣ словъ ея , при каждомъ
 Ея движеньи , въ немъ кипѣла кровь ,
 Пылали щеки и блѣднѣли ; сердце-жъ
 Не вѣдало причины бури сей ;
 Но дѣва съ нимъ сихъ чувствъ не раздѣляла
 И не къ нему ея лепѣли вздохи :
 Онъ былъ какъ братъ ей , но не болѣ ; брашомъ
 Отъ дѣшскихъ лѣтъ звала его она ,
 Ни племени , ни рода не имѣя ,
 Последняя могучихъ предковъ опрасля.
 И имя брата было для него
 И сладостно и вмѣстѣ ненавистно.
 Зачѣмъ ? На это отвѣчало время ,
 Когда другимъ ея дышало сердце ;
 Но и тогда уже любила тайно

Она другаго, и съ холма смопрѣла,
 Не мчишь-ли друга къ ней посвященный конь.

III.

Мое видѣнье измѣнилось. Мнѣ
 Мечтался древній замокъ, и стоялъ
 У вратъ его привязанъ конь, и въ залѣ
 Я юношу увидѣлъ моего.
 Онъ былъ одинокъ, былъ блѣденъ и ходилъ
 Впередъ и назадъ поспѣшными шагами;
 Потомъ онъ сѣлъ и взявъ перо, слова
 Неясвенныя для меня писалъ;
 Потомъ склонился на руку главой,
 И въ судорожномъ вздрогнувъ испугу,
 Вскочилъ и съ дикимъ скрежетомъ зубовъ
 Терзалъ въ куски начертанныя строки,
 И вдругъ, безъ слезъ, утихнулъ и разгладилъ
 Чело свое насильственнымъ покоемъ.
 Когда утихъ онъ, появилась дѣва;
 Улыбкою цвѣли ея уста,
 Но ей любовь его была не тайна:
 Она ужъ знала, скрыть сего не лзя,
 Что тѣнь ея его брала сердце,
 Что онъ спрдалъ; всего-жъ она не знала.
 Онъ всмалъ, и тихо за руку взялъ дѣву;
 Въ чертахъ его видна была скрижалъ
 Неизяснимыхъ мыслей, и чрезъ мигъ
 Она исчезла, также какъ возникла.
 Покинувъ руку, тихою стопой
 Пошелъ онъ, будто не прощаясь съ дѣвой:
 Они разстались, улыбаясь оба,
 И вышедши изъ крѣпкихъ замка вратъ,

Онъ на конѣ пустился въ даль, и боль
Нога его въ помъ замкѣ не бывала.

IV.

Мое видѣнье снова измѣнилось.
Ужъ юноша доспигнулъ зрѣлыхъ лѣтъ;
Онъ по пустынь знойныхъ странъ скитался,
И тамъ жила душа его свѣтъ солнца.
Онъ окруженъ былъ мрачными мечтами,
И былъ не то, что прежде: на водахъ
И на землѣ онъ спалъ бездомный странникъ!
Вокругъ меня, какъ волны океана,
Носилися толпою привидѣнья,
И съ ними онъ; и наконецъ, я видѣлъ:
Онъ спалъ, полдневнымъ зноемъ утомленный,
Межъ надшими колоннами, въ тѣни
Развалинь, стѣнь разбитыхъ, пережившихъ
Спроишелей, жильцовъ ихъ имена;
И близъ него, на берегу ручья,
Паслись верблюды, кони, и на спражѣ
Стоялъ въ широкомъ плащѣ человекъ,
И многіе другіе тамъ - же спали,
И надъ главами ихъ свѣшало небо,
Столь ясное и чисто-голубое,
Что только Богъ единый зрѣлся въ немъ.

V.

Мое видѣнье снова измѣнилось.
Супругой спала дѣва, и супругъ
Любилъ ее не болѣе, какъ она;
Въ своемъ дому, далеко отъ него,
Она жила въ кругу дѣтей прекрасныхъ;
Но на челѣ ея была видна

Опшѣнка грусти, внутренней борьбы
 Непреходящій слѣдъ; въ ея очахъ
 Уныніе и не покой, какъ будто
 Тягчили ихъ непролитыя слезы.
 Какая - жь грусть ея? Съ ней было все,
 Что мило ей, и пошъ далеко былъ,
 Кто могъ шоской, надеждой иль желаньемъ
 Невинныя ея превозитъ мысли.
 Какая - жь грусть ея? Не бывъ имъ спраспна,
 Она ему не льстила и надеждой,
 И онъ не могъ быть часть того, что душу
 Свѣдало ей: льшъ прошлыхъ привидѣнья.

VI.

Мое видѣнье снова измѣнилось,
 Мой спранникъ возвратился; я его
 Прѣдъ алтаремъ съ нервшою увидѣлъ,
 Съ прекрасной дѣвой, но не съ той, что солнцемъ
 Для вешнихъ дней его была; когда онъ
 У алшаря стоялъ, его чело
 Одѣлось спрашнымъ мракомъ, и опять,
 Какъ прежде, въ древнемъ замкѣ, грудь его
 Потрясъ внезапный судорожный прещешъ
 И на лицѣ видна была скрижаль
 Неизъяснимыхъ мыслей, и чрезъ нигъ
 Она исчезла, шакже, какъ возникла,
 И онъ стоялъ спокоенъ, и обшъ,
 Самъ словъ своихъ не слыша, произнесъ;
 И все смѣшалось вокругъ него: онъ видѣлъ
 Не то, что было, бытъ долженшвавало,
 Но древній замокъ, памяшную залу
 И незабвенное прощавья мѣсто,
 И день, и часъ, и мрачность, и сіянье.

Все, что ко времени тому и мѣсту,
 Что относилось къ дѣвѣ роковой,
 Повергнулось межъ нимъ и свѣтомъ дня,
 Зачѣмъ оно пришло въ такую пору?

VII.

Мое видѣнье снова измѣнилось.
 Ее, владычицу его души,
 Едва узналъ я: такъ ее помялъ
 Недугъ душевный! Умъ ей блуждалъ,
 Глаза утратили природный блескъ; она
 Смотрѣла взоромъ не земнымъ, казалась
 Царицею мечшательнаго міра,
 Безсвязныя соединяла вещи
 Въ бродящихъ мысляхъ, умственно обыкла
 Незримое другими созерцать —
 И это свѣтъ безумствомъ называетъ!
 Но мудрость мудрыхъ большее безумство;
 Такое зрѣнье — страшный Неба даръ:
 Сей истины волшебный педескоцъ
 Сокрышую мечтаній далью жизнь
 Къ намъ приближаетъ въ полной наготѣ,
 И хладную шворить хладнѣе сущность.

VIII.

Мое видѣнье снова измѣнилось.
 Опять, какъ прежде, странникъ одинокъ;
 Всѣ существа съ нимъ бывшія, исчезли,
 Или возстали на него; онъ спалъ,
 Раздорами, враждою окруженный,
 Погибели и разрушенья мѣтой;
 Мученье было яствъ его приправой,
 Пока, какъ древній Цонша властщелциъ,

Обыкъ пишахся ядомъ онъ — и ядъ
 Не оправляя, но былъ ему родъ пищи,
 Обыкъ жить шѣмъ, что многимъ было смертью.
 Людей чуждаясь, спалъ онъ другомъ горь;
 Съ звѣздами, съ духомъ бдительною вселенной
 Держалъ бесѣду, и они его .
 Своимъ волшебнымъ тайнамъ научили;
 Ему была открыта книга ночи
 И гласъ изъ бездны возвѣстилъ ему
 Чудесное и шайное: Да будешь!

IX.

Мое видѣніе исчезло; въ немъ
 Ужъ не было дальнѣйшей перемѣны.
 Видѣніе странное: какъ на яву
 Видна въ немъ доля сихъ существъ: погибнушъ
 Одной въ безумствѣ, въ горь обоемъ.

М. В.

Къ родной сторонѣ ().*

О Скалба родная!
 Теки и красуйся по роднымъ полямъ,
 Волнами плеская
 По свѣжимъ, высокимъ, крупнымъ берегамъ.
 Лѣсь мирный, печальный!
 По прежнему свѣдѣльхъ небесъ достигаи
 И сладостной, шайной,
 Ты пушника душу мечтой наполняи.

(*) Сочиненіе тринадцати-лѣтней дѣвушки.

МОСКОВСКИЙ
ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Полевымъ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

Оксенштирль.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1827.

Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, précédée d'un tableau politique et militaire de puissances belligérantes, etc. (Исторія войны на Испанскомъ полуостровѣ во время Наполеона). Соч. Генерала Фуа. Парижъ, 1827 г. in 8, XV и 403 стр. 309

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская Литтература 1826 и 1827 годовъ. 44, 135, 233 и 324

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Иностранная переписка. Письмо изъ Дрездена — Извлеченія изъ другихъ писемъ. 67
Рѣчь, произнесенная Англійскимъ Министромъ Каннингемъ, въ засѣданіи Нижняго Парламента (окончаніе). 73
Изображеніе нынѣшняго состоянія Греціи. 157 и 352
Состояніе Наукъ и Словесности въ Италіи въ 1826 году (соч. Ф. Сальфи). 264
Некрологія: Августъ Фридрихъ I, Король Саксонскій — Петръ Симонъ, Маркизъ Лалласъ — Іосифъ Пиацци — Францискъ Кардинскій. 87, 173, 280 и 367

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

С щ и х о щ е о р е ч и я.

В. . . . М. — Сонъ (изъ сочиненій Байрона). —
Вяземскаго Князя И. А. — Къ Илличенскому. 3
Жуковскаго В. А. — Къ портрету Гёте. 129
Муравьева А. . . — Италія (Совѣтъ). 60
— — — Смерть Данша. 106
Телловой Надежды. . . — Къ родной сторонѣ. 136